

Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме
Материал « круглого стола»

Д. Е. ФУРМАН (доктор исторических наук, Институт США и Канады АН СССР).

Наше государство возникло как союз равноправных республик, объединенных единством идеологии и социально-политического строя. Оно создано на территории бывшей Российской империи, но его создатели видели связь со старой Россией как связь лишь генетическую. Союз республик, образующих новое государство, мыслился как открытый, и предполагалось, что по мере победы социалистических революций он будет расширяться. Создатели государства стояли на позициях полного равноправия всех, больших и малых, народов, видя в установлении такого равноправия путь к грядущему всемирному братству социалистических народов, в котором национальности в конечном счете сольются в единую всечеловеческую общность. И наступление этого всемирного братства предполагалось в относительно недалеком будущем. (Мне думается, что, не учитывая эти ожидания, не учитывая, что все решения мыслились тогда относительно временными, нельзя понять эту эпоху и политику этой эпохи. Например, не все ли равно, кому пока будут принадлежать Нагорный Карабах и Нахичевань, если очень скоро должны рухнуть вся капиталистическая система и возникнуть всемирное братство.)

Это — одно восприятие нашего государства. Но с самого начала существовало и другое восприятие для людей, не принявших новой идеологии или принявших ее очень поверхностно, людей очень разных, начиная от элиты дореволюционной интеллигенции, кончая неграмотными русскими, армянскими, грузинскими и т. д. крестьянами, новое государство было преемником государства старого, Российской империей под новой вывеской. Условно такое понимание можно назвать «сменовеховским», но «сменовеховцы» — лишь один из многих (и один из немногих артикулированных) вариантов этого воззрения, которое для большинства разделявших его было чем-то самоочевидным и не нуждающимся в отстаивании и противопоставлении иному воззрению. Воззрение это питалось не только памятью прошлого, но и реалиями настоящего. Ведь новое государство возникло все же в результате революционного переворота, начавшегося в Петрограде и Москве, его естественный центр — Москва, оно не вышло за границы империи и сохранило основное, характерное для старой России этническое соотношение: однородно русский центр и «иностранческие» окраины. Мощную поддержку это восприятие получает за границей, где новое государство называется просто Россией.

Мне думается, что очень многое в истории нашего государства может быть понято, исходя из этих двух изначальных восприятий его природы — восприятий, сосуществовавших и взаимодействовавших друг с другом.

К 30-м годам, когда стало окончательно ясно, что мировой революции в ближайшее время не предвидится, когда старая гвардия революционеров-марксистов была уничтожена и начала складываться новая бюрократия, во многом крестьянского происхождения, в идеологию и культуру проникают представления и символы дореволюционной официальной идеологии. В этот период «имперское» представление о нашем государстве очень усиливается. Если раньше новые письменности создавались на основе латинского алфавита, теперь они создаются на основе русского. Лозунг «сближения наций» иной раз становился фиговым листком для русификации. Сталин явно осознает себя преемником Ивана IV и Петра I (что не мешает ему видеть себя одновременно и преемником Маркса, Энгельса и Ленина). Во внешней политике с конца 30-х годов, а особенно отчетливо сразу

же после войны, подчас стало проявляться, по существу, «имперское» территориальное мышление.

Но удивительна не только сила «имперской» идеи, но и ее слабость, невозможность для нее победить окончательно. Есть известная фраза: «Лицемерие — дань, которую порок платит добродетели». Я думаю, можно сказать: «Демагогия — дань, которую тирания платит демократии». И дань эта отнюдь не пустяковая. Сила демократических идей, лежавших у истоков и в основе нашего государства, по-моему, еще более поразительна, чем мощь так называемой «имперской» идеологии. На самом пике своего могущества И. В. Сталин принимает конституцию, в которой есть все демократические права, в том числе и все национальные права. Это — лицемерие и демагогия, но это еще и признание того, что идея равноправия народов и их права на самоопределение настолько сильна, что ей вынужден подчиниться всемогущий диктатор. Демагогия никогда не бывает «просто» демагогией, и тот же Сталин, который переселяет народы, как какой-нибудь Ашшурбанипал или Надир-шах, не только говорит о равноправии, но и реально много делает для подъема культуры ранее отсталых народов нашего государства. То, что может показаться лишь лицемерием, на самом деле — никогда и не исчезавшая глубинная основа нашего государства, его единственный возможный источник легитимации.

Но за такую противоречивую ситуацию, когда на официальном уровне сосуществовали идея «имперская» и идея союза народов, неизбежно приходится расплачиваться. Такая ситуация основана на двусмысленностях, недоговоренностях, лжи. Следовательно, она могла существовать лишь в условиях «безгласности», жесточайшей цензуры и «урезанной» культуры всех населяющих ее народов, и прежде всего русского. Систематическое отрицание национальных противоречий, проблем и конфликтов ведет к тому, что эти противоречия накапливаются. Но это значит, что росла угроза, что все они могут выйти на поверхность, что и начало происходить в последние годы. События в Казахстане, Нагорном Карабахе заставляют нас задуматься над тем, что мы за государство, и не только искать решения частных проблем, но и вновь рассмотреть наши исходные принципы, вернее, вернуться к этим исходным принципам.

Нам надо понять, что наше государство просто не может быть ничем иным, кроме свободного союза равноправных народов. И именно не «не должно быть», а «не может быть». Никаких иных способов и форм его существования нет. Ассимиляционные процессы интенсивны, но они никогда не приведут к тому, что громадные народы, населяющие нашу страну, «растворятся» в русском. Более того, на определенном этапе ассимиляционных процессов практически всегда возникает мощное стремление к волевому утверждению своей национальности — то, что в американской социологии выражается формулой: «то, что старался забыть отец, пытается вспомнить внук». У нас сейчас вырос колоссальный полуассимилированный слой национальной интеллигенции и бюрократии, именно в силу своей культурной маргинальности очень чувствительный в национальных вопросах. Поэтому предполагать, что наши проблемы разрешатся ассимиляцией, не приходится. «Разрешать» национальные конфликты силой тоже нельзя — и потому, что это противоречит демократизации нашего общества (а демократизация — не просто благое пожелание, а способ выживания в современном мире), и потому, что такой силы просто нет. Единственный путь для нас — поиск правового, институционального выражения и закрепления ленинской идеи союза равноправных народов.

Это та идея, которая была провозглашена нами изначально, но обогащенная опытом нашей истории и освободившаяся от наивного представления о близости земного рая. Армянин и азербайджанец, русский и еврей, крымский татарин и украинец «обречены»

жить рядом друг с другом как свободные народы, самоорганизующиеся и ищущие через конфликты и компромиссы, наиболее приемлемые друг для друга формы сосуществования.